

Содержание

ÉLAN	7
ШПОРА	109
ОЧИСТИЛИЩЕ.....	247
БЛАГОДАРНОСТИ.....	348

Посвящается
Майклу Ризи,
брату по оружию

— Но они омерзительные существа — выродившиеся твари низшего порядка. Как вы можете говорить на языке тварей?

Эдгар Райс Берроуз. Сын Тарзана

ÉLAN¹

¹ *Élan* — рывок, разбег (фр.). (Здесь и далее прим. пер.)

I

и Сирил Бэггер считает себя везунчиком, ведь он должен был уйти на повышение, откинуть копыта, дать дуба, сыграть в ящик, почить в бозе, лечь в землю, окочуриться, попросту сдохнуть, и не только сдохнуть, а разлететься на ошметки, ибо последним, что он видел, был снаряд, падавший прямо на него с грохотом крушения товарняков, да уж, шикарно выстрелил какой-то фриц, и есть в этом некая ирония судьбы, ведь Бэггеру нравится рыть могилы именно по той причине, что артиллерийские снаряды так далеко за передний край не залетают, один-единственный взял и залетел, как будто ночной кошмар стал явью, объятый алым пламенем череп низринулся с пронзительным воплем, оставив лишь секунду, чтобы подумать: «Старушка Фортуна наконец-то повернулась к Бэггеру задом»,

и тот свет, куда Бэггер плавно перенесся на краткий миг, оказался восхитительным местечком, где его снова обняла и обхватила длиннейшими ногами Мари-Луиза, *prostituée*¹, на которую он растранижил все свои франки, когда Сорокопуты из 43-й стояли на Вогезском

¹ *Prostituée* — проститутка (фр.).

фронте, где было красиво, сухо, тепло, тихо, где не проливалась ничья кровь, зато каждый вдох полнился ароматом «Розы Жакмино» Мари-Луизы, ее надушенных волос и перламутровой пудры, а каждый выдох колыхал рыжие крашенные пряди и кружевные штучки-дрючки на белье,

и совершенно не хочется, чтобы кто-то его тормозил и спрашивал: «Живой?» — на что Бэггер отвечает: «Нихера», — а кто-то нерадостно смеется и, схватив его под мышки, вытаскивает бесцеремонным рывком, словно акушерка, принимающая трудные роды, и новорожденный Бэггер, с трудом разлепив веки, покрывшиеся коркой из грязи, масла и треклятых слез, обнаруживает себя на краю могилы, которую копал в момент минометного залпа, только вот яма от взрыва увеличилась втрое и мертвецов, припорошенных негашеной известью да прикрытых тонким слоем земли, в ней тоже тройное количество,

и Бэггер оказался бы погребенным заживо, не случись рядом востроглазый рядовой, надо обязательно вознаграждать его сигареткой, однако Бэггер отвлекается на свежие трупы, устилающие окрестности, одному пехотинцу-пирожку почти оторвало голову чьей-то тазовой костью, другой испустил дух, собирая свои потроха в свой же ботинок, а третьего снарядом так расплющило, что хребет торчит из разинутого рта,

и Бэггер растерянно понимает, что все части тела при нем, включая пальцы на ногах, но каким же охренительным образом он выжил, если все вокруг него, судя по

открывшемуся зрелищу, распотрошены, разодраны и разбросаны, разве что труп, который он тащил на спине, принял на себя всю шрапнель, однако назойливый голос твердит, что случилось чудо, и это страшно бесит Бэггера, ведь прокляни его Господь, если он поверит в чудеса, застряв в аду,

и, доползая до более-менее твердой почвы, осознает, что на болотистом клочке земли между Аргоннским лесом и рекой Мёз наступила тишина, и ничто больше не вызывает подозрений, хоть тишина на Западном фронте — дело тонкое, поскольку у той или другой стороны постоянно зудит кое-где, и в очередной раз несколько сотен мужчин истекают кровью за считанные дюймы территории, погубленной до такой степени, что возжелать ее мог бы только помешанный,

и вот Бэггер, у которого перед глазами все плывет, садится и гонит прочь льнувший к коже грязный воздух, сизый дым и белесый, как катаракта, туман, и видит, как за диарейными холмиками грязи, за оплывающими воронками, из которых эта грязь изверглась, уползают на восток грузовики, телеги и колесные орудия, подсказывая, что 43-я дивизия III корпуса Первой армии США покинула позиции, судя по всему, не дожидаясь бэггеровской жалкой роты «П», вечно болтавшейся у бригады на крайнем левом фланге, словно пораженный гонорей член,

и Бэггер ищет свой ранец, находит, вытаскивает Библию, открывает, сует нос в то место, где страницы сходятся у корешка, вдыхает, и плевать ему на царей и

пастырей, плотников и пророков, просто влажный, зыбкий аромат красного кожаного переплета и древесный шорох тонкой гладкой бумаги, испещренной следами-полумесяцами, отпечатками отцовских пальцев, с ранних лет действуют на Бэггера как нюхательная соль, возвращая в тесный кабинет над церковью, где епископ Бернард Бэггер трудился над проповедями, в те времена, когда сердце Сирила, ныне полное дыма, наполнилось чем-то вроде надежды,

и лишь вдыхая, Бэггер чувствует сковавшую лицо хрупкую глазурь из засохшей крови, ясное дело, не его собственной, и приказывает себе не думать чьей, ведь лучше всего, когда смысла в крови не больше, чем в дожде, особенно в Аргоннском лесу, где осталось слишком мало деревьев, чтобы воспрепятствовать октябрьскому ветру, под которым кровь на коже засыхает в мгновение ока,

и хотя невозможно сказать, кто из парней пролил эту кровь, ее природа — совсем другое дело, ведь Бэггер за четырнадцать дней посреди урагана из мяса и свинца превратился в сомелье, способного различить терпкую и шипучую из плечевой артерии, густую и липкую, как патока,— из бедренной, мясной осадок ранений сердца, тошнотворный привкус любого из кишечных соков, а также артериальную кровь, которую он сейчас и слизывает с губ, будто соль с теплого лизунца,

и хорошо, что Библия рядом, помогает справляться с происходящим, Бэггер шумно, жадно вдыхает, заполняя пазухи ароматом ностальгии по уюту и умиротво-

рению, а потом неохотно прячет книгу и сует пальцы в ушные раковины, вытаскивая мягкие пробки из грязи и крови, поскольку, если хочешь выжить в окопном мире, слух куда важнее зрения,

и мирские шумы обрушиваются со всех сторон, и у Бэггера перехватывает дыхание от протяжного вопля, заглушающего всех и вся, опять летит минометный снаряд, такой же, как тот, который превратил его собратьев-копателей в фарш, о нет, вот дерьмо, но погоди-ка, постой, нет, это другое, не столько вопль, сколько визг, с точки зрения децибел не ровня артиллерийской мины, однако есть в нем какая-то пронзительная нота, сверлом вгрызающаяся в апокалиптический рокот, и звук подобной высоты ему еще не доводилось слышать,

и хотя на Ничейной земле полным-полно боевых машин на последнем издыхании, их предсмертные завывания банальны, как скрип дверной петли, а этот визг издает некое существо, ведь он живой, словно стоны удовлетворенной Мари-Луизы или зычные проклятия епископа Бэггера, и это может быть мужчина или женщина, человек или зверь, но чем бы оно ни было, оно умирает, умирает медленно, умирает громко, его агонизирующие стенания волнами устремляются во все стороны,

и Бэггер, и без того изнемогающий под гнетом грязи и крови, оседает сильнее от бремени жуткого осознания, что визг никогда не прекратится, в точности как никогда не прекратится война, никогда не прекратится жесто-

кая бойня, все это предложение в книге, мчащееся во весь опор без единой точки, задыхающееся от переизбытка запятых, предложение, которое можно начать, а закончить ни за что не получится, предложение, обреченное замкнуться само на себя, превратившись в чудовищное черное колесо, которое рано или поздно всех без исключения затянет в могилу,

II

и Бэггер вытирает лицо предплечьем, и пять фунтов
какого-то вещества шлепаются с его головы, видать,
мозги, кровь все-таки была его собственная, и посколь-
ку он уже хорошо изучил, как они выглядят, остается
лишь перевести взгляд на колени, чтобы убедиться, од-
нако там он видит лишь желтую глину, а в Аргоннском
лесу нет ничего тривиальнее желтой глины,

и, таращась на глиняные мозги, он подмечает голос,

и голос ощущается частью визга, его подтоном,

и Бэггер разбирается в подтонах, он вырос, окутанный
полифонией старого церковного органа, чьи верхний,
средний и нижний мануалы сплетались, как духовые,
струнные и язычковые, однако этот подтон рождает
пока что не изобретенная клавиатура, имя ей — «голос»,

и голос говорит: *«Бэггер»*,

и слово будоражит, оно как гул, рождающийся где-
то внутри его собственного тела, он чувствовал то же

самое, стоя под трубами в святилище, хотя епископ Бэггер сказал бы маленькому Сирилу, что это всего-навсего нечистая совесть копошится где-то внутри, однако с взрослым Сирилом Бэггером подобный фокус не пройдет, он слишком долго трудился, чтобы похоронить всю сентиментальную дребедень там же, где и сотни трупов,

и потому он игнорирует голос, это просто кости завибрировали в унисон с выстрелом из миномета, и полной грудью вдыхает смрад, ну ладно, Бэггер, твое подразделение на марше, нехорошо, но в остальном все по-прежнему, то бишь в полной заднице, снаряды гансов перечеркнули изломы траншей расселиной длиной в полумиллю, так что вместо основной, запасной и отсечной теперь всюду позиции четвертой разновидности, именуемой клочки по закоулочкам,

и Бэггер убеждается, что в этих закоулочках действительно по-прежнему обретается рота «П», мелькает хромой гориллой лейтенант Аквила, хрипло орет сержант Раш, но они не сидят контуженными болванами, а носятся как заведенные, то и дело натываясь на обвалившиеся стены окопов, отчего Бэггер задается вопросом, не свел ли их визг с ума, ведь и дурак поймет, что-то тут неладно, и если Бэггеру важна сохранность собственной шкуры, придется пустить в ход лисью изворотливость, что он и делал не один раз,

и Бэггер воображает, что рядом грозно висится генерал Джон Джозеф Першинг, требовательно спрашивает: «Где

ты находишься, рядовой?» — а он такой: «Во Франции, сэр!» — а генерал: «Поточнее, рядовой!» — и он в ответ: «Буа-де-Фе, сэр, где словом „буа“ лягушатники обозначают лес, сэр!» — а Першинг ему: «Очень хорошо, рядовой; по-твоему, это похоже на лес?» — и он такой: «Нет, сэр, но здесь, наверное, был лес пару лет назад, сэр, до того, как сюда вломились громадные тролли», а Першинг и говорит: «И как же этих троллей звали, рядовой?» — и он, вынуждая сурового старого командарма улыбнуться краешком рта, заявляет: «Марна, сэр, Верден, сэр, Сомма, сэр, — они тут все на хрен растоптали, сэр»,

и он смеется, это помогает сильнее, чем Библия, аллилуйя, знамя ввысь, и пусть там реет, Янки Дудль, твой час настал, рядовой первого класса Сирил Бэггер потихоньку вспоминает, каким был везучим старина Бэггер, Ловкач из Айовы, Пройдоха из Су-Сити, Мошенник из Каунсил-Блафс, Настоятель из Дубьюка, и какие там еще прозвища он заслужил вкупе с запретом появляться на половине речных судов на Миссисипи, куда, впрочем, сможет попасть снова благодаря ящику с всякими прибабасами, позволяющими изменить внешность, стоит лишь вернуться домой,

и он, опять оказавшись в Айове, вернется к старым схемам, жульничеству, «найденному кольцу», «залогу за долю», «подсолке шахты», «коту-в-мешке», «испанскому узнику», устроит и классическую «упавшую дыню», просто чтобы доказать, что еще на это способен, он ведь до того, как в армию загребли, даже изображал медиума, выдвигал из спрятанного кожаного наруча металлический штырь, чтобы со стороны казалось, будто

стол приподнимается от прикосновения его пальцев, толку никакого, но понятно, спиритическое мошенничество на подъеме, из скорбящих получают отличные лохи, а в послевоенной Америке скорбящие будут кишмя кишеть,

и как раз ловкость рук уберегла его здесь, а еще жестянка из-под ветчины, куда поместились домино, крышечки от бутылок для игры в наперстки, налитые свинцом игральные кости, авторучка, чтобы рисовать точки на кубиках сахара, если он эти кости потеряет, и крапленые карты, и когда слишком темнеет, чтобы можно было разглядеть метки, он делает новые на краешке ногтем, который всегда остер, или буквально — буквально некуда — прячет туза в рукаве, потому что среди рядовых неизменно найдется дуралей, не способный опознать в нем акулу, у которой зубов побольше, чем в Айове кукурузы, и эти мальчишки ставят на кон все, включая собственные жизни, если кто-то подвергает сомнению их мужество, что в стране лягушатников происходит каждые несколько секунд,

и в результате солдаты оказываются до такой степени в долгах, что им приходится расплачиваться с Бэггером, совершая безрассудные поступки, в основном подменяя его во время пехотных атак и сводя к нулю близкое знакомство с пулями, пока сам Бэггер держится на почтительном расстоянии, чем дальше, тем лучше, предпочитая наряды по уборке нужников и рытью могил, где свинец не пролетает со свистом мимо уха, а тоненько звенит, как комар на исходе лета,

и когда Бэггер не орудует лопатой, он нарушает субординацию на глазах у каждого капитана, майора, лейтенанта и сержанта в 43-й, поэтому они его «наказывают» новыми нарядами подальше от передка,

и, так уж совпало, он отлично справляется, без пяти минут главный могильщик 2-го батальона, чувствует себя настоящим мастером своего треклятого дела, укладывая в землю собратьев-пирожков,

и мысль о том, что кто-то выполнял за Бэггера его работу то недолгое время, пока он был без сознания, кажется оскорбительной, да что штабные крысы, все эти связисты, повара, писари, интенданты, горнисты и санитары, смыслят в том, как хоронить трупы, ничегошеньки, то бишь варвары наверняка укладывали их голова к голове, а не голова к ногам, и забыли прикрыть лица, а когда натыкались на фрагменты, ступню там, голову или целехонькую нижнюю челюсть, скорее всего, швыряли в яму, как оливку в коктейль, и весьма вероятно, что никто и не подумал записать координаты общей могилы, пусть им и грош цена, ведь никакой спецотряд не прибудет сюда, чтобы заняться эксгумацией пехтуры, и все об этом знают,

и, что за черт, опять этот голос: «*Бэггер*»,

и тут же ему на смену приходит что-то громкое, настоящее: «Бэггер! Бэггер! Вот ты где, Бэггер!» — и он, хрустнув шейными позвонками, поворачивается и видит Льюиса Арно, который кое-как пробирается вокруг вывороченного дуба, с чьих корней свисают лохматые